

Генна Сосонко

Генна Сосонко

ЗЛОДЕЙ

Полвека с Виктором Корчным

Издатель «Андрей Ельков»
Москва 2018

УДК 794.1
ББК 75.581
С66

Сосонко Генна
С66 «ЗЛОДЕЙ. Полвека с Виктором Корчным». Москва,
2018, 256 с., 24 с. ил.
ISBN 978-5-906254-57-3

Новая книга Генны Сосонко, третья в серии его произведений о выдающихся шахматистах (после книг «Давид Седьмой» о Бронштейне и «Познавший гармонию» о Смыслове), посвящена судьбе невозвращенца Виктора Львовича Корчного – одного из самых известных гроссмейстеров XX века. Его борьбу с Карповым, их матч в Багио (1978) по накалу шахматных и политических страсти можно сравнить, пожалуй, лишь с противостоянием Спасский – Фишер.

Автор близко знал Корчного, работал с ним в качестве секунданта, встречался на турнирах и в домашней обстановке. Перипетии жизненного пути своего героя Сосонко описывает со свойственным ему блеском. В книге приводится много неизвестных фактов, дается большая подборка фотографий, в том числе и почти совсем неизвестных.

Для всех любителей шахмат.

Фото из личного архива автора, а также из архивов журналов «Шахматы в СССР» и «64–ШО».

Сосонко Генна
ЗЛОДЕЙ. Полвека с Виктором Корчным

Редактор Дмитрий Плисецкий

Корректор Вера Дмитриева

Оформление, верстка Андрей Ельков

Формат 84x108 1/32.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

e-mail: elkov_andrey@mail.ru

<http://www.elkov.ru>

ISBN 978-5-906254-57-3

© Сосонко Г., 2018

© Издатель Ельков А., 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Человек-легенда	7
Прыжок на свободу	11
Начало.....	15
Наши первые встречи.....	23
Расставание	35
По разные стороны	53
Право на проживание	68
Петра.....	79
Письмо Фишера	85
Размолвка	93
Битвы с Карповым.....	98
Бойкот злодея.....	118
Подпитка аккумулятора	128
Поклонник Фурье	131
Закрыть староиндийскую	139
Защита? Атака!	142
Одержанность	146
Без пощады!	152
Мусор в голове	161
На манер снегиря	169
В пятом круге ада	178
«Золотая Сибирь»	182
Тост за Жириновского.....	189
Возвращение строптивого.....	193
Начало заката	196
«Я впадаю в детство!».....	199
Сюрприз на юбилей.....	206

«Химичит парень...»	212
Партнеры для сеанса.....	219
Это они – старые!.....	226
Военно-медицинская комиссия	231
Кто из нас лучше?	236
Играть! Играть!.....	247
Прощальный молебен.....	251

ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА

Как и Чигорин, Рубинштейн, Керес, Бронштейн, он не носил чемпионскую корону, но его имя знают все любители игры. Виктор Корчной не только достойно боролся в матчах за мировое первенство, но и выигрывал крупнейшие турниры с участием всех сильнейших, и его вклад в шахматы не менее весом, чем у стоявших на самой вершине огромной шахматной пирамиды.

Страдал ли он от того, что так и не стал чемпионом мира? Испытал ли, как каждый творческий человек, из всех сожалений самое горькое – от того, что ему так и не удалось осуществить? Не уверен. Даже без высшего титула он, фактически в одиночку бросив вызов огромному советскому монстру, приковал к себе внимание всего мира и оставил свое имя в истории игры навсегда.

Как и поэт в России был больше, чем поэт, так и шахматный гроссмейстер в Советском Союзе был больше, чем шахматист. Так повелось еще со времен Ботвинника, но на Западе популярность шахмат была несравнимо меньше. Явление Бобби Фишера, ставшего символом свободного мира в его борьбе с тоталитарным режимом, привлекло невероятный интерес к игре, но после ухода американца шахматы снова заняли свою скромную нишу.

Следующему витку популярности шахматы обязаны только и исключительно Виктору Корчному. Здесь переплелись всё: и конфликт тех же противоборствующих систем, и общая международная обстановка продолжающейся холодной войны, и его личная драма, когда власти отказывались выпустить на Запад его семью. Известия об этом противостоянии переместили шахматы со страниц спорта на первые полосы газет и даже дали сюжет мюзиклу, годами шедшему с аншлагом на подмостках Лондона и Нью-Йорка.

Спортивная карьера Корчного длилась без малого семьдесят лет и вобрала в себя целое столетие: он играл и с Григорием Левенфишем, родившимся в 1889 году, и с Магнусом Карлсеном, появившимся на свет в 1990-м. И сыграл больше партий, чем кто-либо в истории игры, а из этих семи десятков лет активной шахматной деятельности почти три десятилетия принимал непосредственное участие в борьбе за чемпионский титул. Трудно найти в истории шахмат бойца, которого можно было бы поставить рядом с ним.

Сказал как-то: «Хорошо было Ласкеру помнить свои партии, а я за последние тринадцать лет сыграл их вдвое больше, чем Ласкер за всю свою карьеру. К тому же мне было скучно – повторять одно и то же по несколько раз даже ради практического успеха. Для меня с моим характером это было довольно нудно. Поэтому, за редким исключением, я играю дебют каждой партии так, будто это положение случилось впервые в жизни».

Таков подход творца в любом виде человеческой деятельности: посмотреть на давно устоявшиеся представления и понятия глазами ребенка, увидевшего явление в первый раз.

Может, в этом отторжении рутины и постоянном стремлении к новому не только разгадка его удивительного шахматного долголетия, но и объяснение того, почему он не стал чемпионом мира: с таким подходом к игре можно долго играть в шахматы, но... завоевать самое высокое звание?

Когда три дня спустя после драматичного матча в Багио (1978), где он был на расстоянии вытянутой руки от титула, я увидел его на Олимпиаде в Буэнос-Айресе, он не производил впечатление несчастного или даже расстроенного человека. Мысль, что Сизиф был по-своему счастлив, даже если камень, который он волок к вершине горы, всё время скатывался обратно, пришла бы, думаю, ему по душе.

Но что произошло бы, если бы ему удалось стать чемпионом мира? Если оставить за скобками, что в этом случае, как сообщил ему однажды Таль, его могли бы просто уничтожить физически, не думаю, чтобы Корчному было бы комфортно на троне. Он был очень хорош в противостояниях, в

конfrontациях, в борьбе. Но разрезать ленточки, пожимать после двухходовой ничьей руку президента какой-нибудь страны, а потом, надев искусственную улыбку, позировать вместе с ним перед объективами телекамер? Заседать на конгрессах ФИДЕ рядом с людьми, к которым испытываешь явную антипатию?

Его бунтарская натура бессознательно противилась бы этому умиротворенному почиванию на лаврах, не говоря уже о потере ориентиров: ведь всё уже завоевано, что теперь? Нет, лавровый венок чемпиона только колол бы его острыми листьями, и я плохо себе представляю, что даже в этом случае мы увидели бы, наконец, укрученного Корчного.

Вторую половину жизни он прожил в Швейцарии. Испытывая безграничное уважение к швейцарскому образу жизни, он не уставал повторять, что единственное, что ему не нравится в этой стране, это ее нейтралитет. Объяснял: наверное, это потому, что он сам родился в государстве, где нейтралитетом и не пахло. Понятие нейтралитета в его глазах было сродни ничьей, которой он так старался избегать в своих партиях.

Однажды у него спросили: «Какую самую невероятную легенду о себе вам приходилось слышать?» Удивился: «Легенду? А зачем это вам? Моя жизнь настолько невероятна, что ни с какой легендой не сравнится».

Когда ему исполнилось семьдесят, автор по просьбе самого Корчного написал вступление к сборнику его избранных партий. Понятно, что тот юбилейный текст не был написан с последней прямотой.

В книге, представляемой на суд читателей, я попытался сделать это.

ПРЫЖОК НА СВОБОДУ

«Что делать? Что делать? Сеанс в Гааге был в самом разгаре, а я еще не принял окончательного решения. Ведь можно же еще спокойно отправиться на прием в советское посольство, завтра вернуться в Ленинград и попробовать в следующий раз. Как, мне сказал Майлс, будет по-английски “политическое убежище”? Political asylum. “Политикл эсайлэм”. Легко сказать. Наконец сеанс кончился, я попрощался с организаторами, пришло такси. Вот уже шофер спрашивает: “Куда едем?” – но я не знаю. Не знаю! И лишь когда таксист повторил: “Так вам куда?” – я сказал: “Амстердам!” На следующий день рано утром я пришел в полицию и попросил политическое убежище».

Так рассказывал мне Виктор Львович Корчной о событиях 26 июля 1976 года. События эти резко изменили не только его собственную жизнь. Они привнесли в борьбу за мировое первенство такой накал страстей (с очевидной политической подоплекой), что оказались сравнимы с прямой конфронтацией между Востоком и Западом во время матча Спасский – Фишер (1972).

Корчной не был первым гроссмейстером мирового класса, ушедшим из советской России на Запад. Когда в 1929 и 1934 годах Алексин играл матчи на первенство мира с Ефимом Богословым, в СССР одного иронически называли «французом», другого «немцем», а обоих – «ренегатами, продавшими свой талант за чечевичную похлебку буржуазного рая». Но, упоминая их имена, отмечали: «Не следует забывать, что в политике бывшие советские чемпионы всего лишь пигмеи, тогда как в шахматах они виднейшие корифеи современности». И печатали отчеты о матчах «ренегатов», помещали статьи о турнирах с их участием, комментировали их партии.

В семидесятых годах в Союзе всё обстояло много жестче. Даже на пути к легальной эмиграции власть ставила различные рогатки (если вообще давала разрешение на выезд), а уж к беглецам относилась совершенно непримиримо.

Почти полвека спустя непросто понять, что означало такое решение Корчного для гражданина СССР и как неизмоверно трудно было сделать этот последний прыжок на свободу. Ведь после этого на родине ты сразу же становился предателем и изменником, как было со знаменитыми невозвращенцами той поры – Рудольфом Нуреевым, Михаилом Барышниковым, Наталией Макаровой, Людмилой Белоусовой и Олегом Протопоповым, чтобы назвать нескольких. Никто из них не являлся диссидентом. Но за пределами страны нередко оказывались не политические противники и не диссиденты в прямом смысле слова: разрыв с системой диктовался самой логикой их творчества.

В этом ряду Корчной выделялся тем, что своей повседневной деятельностью на Западе доставлял советским властям куда больше неприятностей, чем названные звезды или, к примеру, Солженицын, Бродский, Ростропович, Тарковский... Если их имена можно было не упоминать, не издавать книги, замалчивать концерты и спектакли, не показывать фильмы, с Корчным было иначе.

В изолированной от остального мира огромной империи шахматы всегда пользовались невероятной популярностью, а здесь речь шла о четырехкратном чемпионе СССР, неистовом и легендарном бойце. Регулярно сражаясь с представителями Советского Союза в матчах претендентов и матчах за мировую корону, Корчной постоянно напоминал о себе миллионам своих недавних соотечественников. Особую остроту этим беспощадным схваткам придавал тот факт, что представителем Запада выступал бывший советский гражданин.

В газетных статьях, теле- и радиорепортажах его имя, преданное анафеме, чаще всего скрывалось за безликим «соперник» или «претендент», но именно поэтому – ненапечатанное и произносимое только шепотом – оно звучало внутри страны громче всяких фанфар. Его могли называть кем угодно – предателем, изменником, двурушником или ренегатом, но его партии смотрели со страниц выходившей

миллионными тиражами центральной прессы, и переигрывать их мог каждый. Эти партии невозможно было отменить, равно как и его спортивные результаты.

«Злодей», как окрестили Корчного советские коллеги, сделал шахматы делом государственной важности, и о ходе матчей на первенство мира докладывали по прямому проводу руководителям СССР – словно сообщали сводки с полей военных сражений.

Сам Корчной полагал, что, несмотря на официальное осуждение, у советских коллег в глубине души таилось восхищение его поступком, его эмигрантской судьбой. Наверное, так и было: ведь многие из тех, кто вынужден был подписать антикорчновское письмо, начали покидать Советский Союз, едва это стало возможным, не говоря уже о более поздней эпохе, когда эмиграция из страны стала просто перемещением из одного пункта пространства в другой.

Сегодня молодые люди, родившиеся уже после распада СССР, называют Корчного то «беженцем», то «эмигрантом» или просто «покинувшим страну». Конечно, им нелегко вставить себя в рамку того невероятного времени, но все эти определения не просто неточны – они неправильны. Трудно подобрать слово, которое смогло бы выразить тот раскат грома, взрыв невероятной силы, каким явился в июле 1976 года уход на Запад знаменитого гроссмейстера. Тогда ведь казалось, что Советский Союз вечен и железный занавес опущен навсегда.

В те дни в Киеве проходило командное первенство «Буревестника». Лев Альбурт вспоминает, как к группе молодых участников, живо обсуждавших событие, подбежал взволнованный Марк Тайманов и осуждающе бросил на ходу: «Мальчишки! Чему смеетесь!». И спустя пару минут грустно добавил: «Хуже всего будет евреям – выезд теперь закроют в первую очередь нам. Не понимаю, почему вы здесь радуетесь...» А Василий Васильевич Смыслов, улыбаясь, как всегда, чему-то своему, заметил: «Берегите, берегите Хенкина. Виктор Львович теперь у нас один!»

(шахматный журналист В.Л. Хенкин был двойным тезкой гроссмейстера).

Или жанровая сценка осени 1976 года, два месяца спустя после бегства Корчного. Минск, первая лига чемпиона СССР. Выступая перед зрителями, «старички» стараются осудить Злодея, доказать, что их с ним ничего не связывает. На открытии турнира слово берет главный судья Сало Флор: «Корчного за его поведение мы, конечно, осуждаем...» Договорить Флору не дает Тайманов – он вскакивает с места и резко заявляет: «Мы осуждаем Корчного не за поведение, а за предательство!»

Когда я читал воспоминания самого Корчного (от «Записок злодея» до «Шахмат без пощады»), да и других мемуаристов, невольно вовлеченных в детективные события того времени, у меня порой возникало такое же ощущение, как и у Владислава Ходасевича на одной из парижских лекций о символизме.

«Всё, сказанное лектором, было исторически верно, вполне добросовестно в смысле изложения литературных фактов, – писал поэт. – Многое ему удалось наблюсти правильно, даже зорко. Словом – лектору все мои похвалы. Но, слушая, мне всё чувствовалось: да, верно, правдиво, – но, кроме того, я знаю, что в действительности это происходило не так. Так, да не так». И объяснял причину этого чувства: он, он сам являлся живым свидетелем описываемых событий, он вдохнул еще тот воздух, о котором шла речь на лекции.

Несколько раз Виктор говорил мне: «Вы – мой душеприказчик». Неясно, что вкладывал он в эти слова, но я счел своим долгом вспомнить всё, что знаю о жизни этого необычного человека. Более того – что знаю только я. Мне не давало покоя, что иначе останется неправильно истолкованным один из самых волнующих эпизодов шахматной истории, вошедший в огромную мозаику общей истории Советского Союза.

Когда-то Зигмунд Фрейд отговаривал Цвейга от попытки написать его биографию: «Кто становится биографом,

вынуждает себя ко лжи, утайкам, мошенничеству, украшательству и даже к маскировке своего непонимания – правды в биографии достичь невозможно, а если бы даже и можно было, то с такой правдой было бы нечего делать за ее непригодность».

Соглашаясь с отцом психоанализа, я и не пытался написать биографию Корчного. Это только воспоминания, скорее даже собрание глосс, толкований, непонятных или непонятных мест из такой непростой жизни человека, которого я знал почти полвека, рядом с которым провел в общей сложности многие месяцы и годы. Хочу верить, что эти воспоминания не только раскроют мотивы его неоднозначных поступков, но и покажут его подход к игре, характер и поведение в повседневной жизни.

Но, сознавая, что и воспоминания – опасное оружие, я все-таки решил представить их на всеобщее обозрение. И не только потому, что они известны лишь мне, но и потому, что без их знания бурная, туга переплетенная с политикой история шахмат XX века будет неполной и даже неверно понятой.

Будучи исторической личностью, пусть и в такой ограниченной области, как шахматы, он был человеком необычным скорее, чем необыкновенным, и судьба его оказалась тоже необычной.

В своих размышлениях о нем мне хотелось показать великого шахматиста со всеми его, как говорят англичане, *warts and all*, не забывая, что «бородавки и вообще всё» не могут заслонить главного, чему была посвящена жизнь выдающегося гроссмейстера, – шахмат, ставших для него в самом конце обессией.

НАЧАЛО

Он родился 23 марта 1931 года в Ленинграде в еврейской семье. Еврейкой была его мать, Евгения Григорьевна (Зельда Гершевна) Азбель. Правда, отец, Лев Меркурьевич

Корчной, был евреем только наполовину: мать отца – бабушка Вити – была польских кровей, урожденная Рогалло. Когда родители после бурного развода расстались, она стала для внука самым близким человеком. Витя жил у бабушки с двухлетнего возраста и очень тепло пишет о ней в своих воспоминаниях.

Бабушка, ее сын (отец Вити) и сам ребенок делили маленькую комнатку в тринадцатикомнатной коммунальной квартире. Бабушка спала на кровати, отец на диване, а Витя – на стульях, составленных вместе посреди комнаты. Он вспоминал, что в раннем детстве говорил по-польски, но потом, как это часто бывает, язык выветрился напрочь. Вспоминал и о том, как бабушка водила его в костел, учила молиться и тайно крестила, но после ее смерти советское воспитание, школа, а потом университет легко отодвинули всё это куда-то очень-очень далеко. И в повседневной жизни, тем более в шахматах, его никак нельзя было назвать последователем богочеловека, объявившего, что краткие наследуют землю.

Он был далек от какой-либо религии вообще. На Олимпиаде в Стамбуле (2000) вдруг подошел к Борису Гулько, ходившему с кипой на голове. «Вам что, солнце в голову ударило?» – раздраженно спросил Корчной у гроссмейстера, одного из немногих, не подписавших письмо против него четверть века назад. Вряд ли что-то меняет заявление Виктора, сделанное в 2012 году: «Каждый день молитву я не читаю – молиться, думаю, необязательно, но если большинство верит в лучшую жизнь, которая наступит благодаря чему-то, это правильно». Да и больничные жалобы уже в сумеречном состоянии сознания в самом конце жизни, что его не пустили под Рождество в церковку при клинике, тоже звучат не очень убедительно. Единственной богиней, которой он служил, была Каисса, и этой богине он оставался верным до конца.

Отец Виктора работал на кондитерской фабрике. Там он повстречал Розу Фридман и вскоре женился на ней. Роза Абрамовна стала мачехой ребенка, но от самого Виктора

я никогда не слышал слова «мачеха», несущего в русском языке определенную отрицательную коннотацию: он называл ее только «приемная мать».

Лев Меркуьевич Корчной погиб в самом начале войны, и все заботы по воспитанию Вити выпали на долю Розы Абрамовны. Мальчик пережил ленинградскую блокаду, смерть многих близких, холод и голод, больницу для дистрофиков.

Когда Виктору исполнилось шестнадцать и пришла пора получать паспорт, Роза Абрамовна настояла, чтобы в графе «национальность» у Вити было записано «русский». Она рассуждала очень здраво: на дворе стоял 1947 год, антисемитизм уже поднимал голову, чтобы несколько лет спустя под термином «космополитизм» расзвести в Советском Союзе махровым цветом, да и само слово «еврей» звучало тогда почти как вызов.

Но, хотя по паспорту он стал русским, с его чертами лица, мимикой и картавостью Корчной мог быть легко заподозрен в том, что он еврей, кем фактически и был.

Грэм Грин говорил, что трудное детство – бесценный подарок для писателя, а Александр Толуш утверждал: чтобы хорошо играть в шахматы, нужно быть бедным, голодным и злым. Безотцовщина и тяжелое детство, без сомнения, оказались на формировании и без того нелегкого характера Корчного и явились причиной комплексов, от которых он не мог избавиться длительное время.

В 1960 году, возвращаясь с успешного турнира в Буэнос-Айресе, он заказал в Риме спальный гарнитур – по тем временам невероятная роскошь. По общему мнению, валюту можно было бы потратить более разумно, но, видно, края сдвинутых вместе стульев, на которых он спал ребенком, слишком уж врезались ему в бока.

Свою родную мать Виктор вспоминал как женщину взбалмошную, резкую и драчливую (я видел ее несколько раз в Ленинграде). По его собственному признанию, мама то отдавала его, маленького, на воспитание отцу, то у нее проявлялись материнские чувства, и она требовала его обрат-

но, и шесть судов родителей из-за судьбы мальчика тоже не прошли для него бесследно.

Хорошо знавшие Евгению Григорьевну утверждают, что характером ее сын пошел в мать (впрочем, к подобным сравнениям надо относиться очень осторожно). Когда у нее в начале семидесятых обнаружился рак и ее устроили в онкологическую больницу в поселке Песочном под Ленинградом, она не поленилась сбежать оттуда в город и прийти в районной партии, чтобы, «борясь за справедливость», рассказать райкомовским товарищам, какой у нее плохой сын.

А вот о приемной матери Виктор всегда отзывался очень тепло. Ведь именно с ней он пережил самое страшное время ленинградской блокады, именно Розе Абрамовне, работавшей на кондитерской фабрике, был обязан жизнью, о чем маэстро откровенно и написал в своей автобиографической книге «Шахматы без пощады» (2006).

Роза Абрамовна Фридман покинула Советский Союз в июле 1982 года вместе с Беллой – первой женой Корчного и его сыном Игорем, когда родные невозврашенца после шестилетних мытарств, наконец, получили разрешение на эмиграцию. Она поселилась в Израиле, дожила до весьма преклонного возраста и умерла весной 1999 года в Беэр-Шеве. Для нее Виктор был всем.

Регулярно играя в Израиле, он приезжал туда и ради приемной матери, помогал ей материально и, не имея времени писать длинные письма, наговаривал кассеты и посыпал их в Беэр-Шеву. Роза Абрамовна была, без сомнения, его самым главным, а возможно, и единственным конфидентом – рискну предположить, что с ней он был откровенен как ни с кем другим. Игорь Корчной рассказывал, что после смерти бабушки Розы он обнаружил в ее беэршевской квартире десятки таких кассет.

Не скажу, что эта форма общения была популярной, но в Голландии тогда продавались на почте так называемые «говорящие письма» – часовые или получасовые кассеты для магнитофона. Понятно, что отправитель мог наговорить на такую кассету много больше, чем написать в обыч-

ном письме, к тому же адресат слышал голос родного человека.

Я тоже подумывал отправить такую кассету близким в Ленинград, но мысль, что даже если кассета дойдет до них, они будут не первыми ее слушателями, в конце концов отвратила меня от этой затеи. Думаю, Виктор любил аудиоформат еще и потому, что мог здесь гораздо больше, чем в письме, растечься мыслью, помогая себе интонацией (одну такую кассету с его голосом я прослушал совсем недавно). Надо ли добавлять, что все это происходило в доинтернетовскую эпоху, когда письмо в конверте было едва ли не единственным средством общения...

Отец показал мальчику, как ходят шахматные фигуры, когда тому было шесть лет. Но всерьез Витя заинтересовался игрой после прорыва блокады Ленинграда, когда возобновил работу Дворец пионеров. На фанерном щите, установленном на Невском, он холодным осенним днем 1944 года увидел карандашную надпись: «Прием школьников в открытое первенство Ленинграда по шахматам. Руководитель кружка А.Я. Модель». На всякий случай мальчик записался и в другие кружки – художественного слова и музыкальный, но, к счастью для шахмат, у него обнаружились дефекты в произношении, а пианино дома не было.

Поскольку в главном здании Дворца размещался госпиталь, свои первые партии Корчной сыграл в бомбоубежище. Там были расставлены шахматные столики, с сохранившимися еще с довоенных времен комплектами шахмат. До жути худой мальчишка с фанатичным блеском в глазах, пряча от холода руки в длинные рукава отцовского пиджака, спешил с улицы Некрасова на Невский, чтобы сыграть очередную партию, а дома штудировал чудом сохранившийся старинный учебник Дюфреня «Руководство к изучению шахматной игры». Шахматные книги стоили тогда дешево, и на сэкономленные деньги Витя смог приобрести и несколько современных дебютных справочников.

Летом 1946 года в шахматный клуб Дворца пионеров, переехавший в отделанный ореховым деревом бывший кабинет

Александра III, пришел Владимир Григорьевич Зак. Фанатично влюбленный в шахматы, Зак стал на долгие годы тренером Корчного. Своей страстью к игре он заразил подростка, болезнь приняла хронический характер, и Виктор очень рано решил, что шахматы станут основным занятием его жизни.

Нельзя сказать, что путь Корчного в шахматах был столь же блестителен, как у Спасского, другого ученика Зака, ставшего гроссмейстером и претендентом на мировое первенство уже в восемнадцать.

Признавая, что никогда не был вундеркиндом, Корчной скажет годы спустя: «Я брал каждое препятствие лбом, я был уверен в себе до смешного». Действительно, и мастерское звание, и гроссмейстерское, и победы в чемпионатах Советского Союза давались ему как результат постоянной упорной работы и неутолимой жажды совершенствования.

В 1947 году он стал чемпионом СССР среди юношей. Характерно высказывание самого Корчного, когда много лет спустя он просматривал партии того первенства: «Совершенно нет таланта! Я бы того парня и на порог шахматного клуба не пустил».

После прекрасного дебюта – шестое место, впереди многих гроссмейстеров – в 20-м чемпионате страны (1952) и «серебра» в 21-м (1954) он провалился в 22-м (1955), заняв предпоследнюю строчку. В Спорткомитете ему устроили разнос, и Виктор по обыкновению не сдержался: «На следующей неделе начинается чемпионат Ленинграда. Если не выиграю, снимайте с меня стипендию! Брошу шахматы, пойду учителем в школу!»

Не думаю, чтобы он действительно осуществил эту угрозу, но характерна эмоциональная вспышка. Он выиграл чемпионат Ленинграда с результатом +15, установив до сих пор никем не побитый рекорд. И впоследствии, когда здравый смысл подсказывал, что лучше сдержаться, промолчать, не высовываться, запальчивый и несдержаный, он не раз высказывал не принятые и неприятные для начальства вещи.

Михаил Таль вспоминал, как однажды в середине шестидесятых на приеме у Юрия Машина, председателя Спорт-

комитета, Виктор огрызнулся: «А чему это вы улыбаетесь? Тому, что мы Олимпиаду проваливаем, что ли?» – что произвучало по меньшей мере дерзостью.

Эти качества делали фигуру Корчного крайне неудобной для руководства, но функционерам приходилось считаться с его спортивными успехами, тем более что он был тогда чемпионом Советского Союза.

Самый первый победный для Виктора чемпионат страны, 27-й, проходил в начале 1960 года в ленинградском «Доме культуры Второй пятилетки», и я, еще шестнадцатилетний, бывал там почти на каждом туре.

Играя черными с Багировым, гроссмейстер должен был сделать очевидный ход слоном, побив неприятельскую ладью, и получить преимущество. Но после раздумий Корчной вдруг обдернулся – взялся за другого слона и... немедленно сдал партию. Зал был полон, как бывало в те времена на всех крупных турнирах, а здесь к тому же лидировал любимец города. Помню шум в зале и возбуждение публики, когда демонстратор вывесил табличку – «черные сдались». Что за чепуха, такого быть не может: демонстраторов набрали, совсем ничего в шахматах не понимающих! И ахи и охи, когда выяснилось, что произошло в действительности.

Когда оставался только последний рывок на ленточку, земляки страстно желали ему победы:

*Не оправдали наших планов,
отстали Спасский и Тайманов.
Теперь наш лидер основной
один-единственный – Корчной.
Вперед, земляк, гони усталость,
немного партий уж осталось.
Голубчик, друг, Корчной, родной,
не поддавайся ни в одной!*

И Виктор, выиграв три партии кряду, завоевал первую из своих четырех золотых медалей чемпиона страны, повергнув весь шахматный Ленинград в состояние эйфории.

Два года спустя Корчной уже играл в турнире претендентов (Кюрасао 1962). Он прекрасно стартовал и лидировал после одиннадцати туров, но в двенадцатом, имея почти выигранную позицию, грубым зевком проиграл Фишеру. Вторую часть соревнования он провел неудачно и в итоге занял пятое место.

Но турнир запомнился не столько спортивными результатами и выбывшим по болезни Талем, считавшимся до начала одним из фаворитов, сколько договорными ничьими между первыми тремя призерами – Петросяном, Геллером и Кересом.

После того турнира отношения на верхушке советских шахмат стали еще более острыми. Если для публики команда Советского Союза – бессменная победительница Олимпиад – подавалась как спаянный коллектив болеющих друг за друга друзей-соперников, на деле всё было иначе. В борьбе за собственные интересы (в первую очередь – зарубежные турниры) коалиции и интриги, заговоры и сплавы, наушничество и подметные письма были рядовым явлением.

На Олимпиаде в Зигене (1970) никто не разбудил проспавшего Корчного, и он получил ноль. Хотя опаздывать разрешалось на час, в команде, кроме капитана, было два запасных, да и времени, чтобы ему позвонить, было более чем достаточно. Помню его рассказ о злорадных ухмылках коллег на общем собрании команды после тура: Советский Союз встречался с Испанией, и это тоже было поставлено ему в строку (в то время у власти в этой стране пребывал Франко, и СССР не имел с Испанией дипломатических отношений).

В следующем цикле (1964–1966) Корчной не вышел в межзональный турнир, но затем снова включился в борьбу за звание чемпиона мира. В финальном матче претендентов 1968 года он проиграл Борису Спасскому. Его возраст приближался к отметке сорок, и если Корчной хотел еще всерьез бороться за мировую корону, надо было спешить. Именно тогда он предложил мне поработать вместе.

НАШИ ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

Впервые я увидел его в октябре 1956 года. Тогда в ленинградском Дворце пионеров каждую осень устраивались шахматные праздники, и бывшие воспитанники давали сеансы одновременной игры детям. Мне выпало играть со Спасским. Когда партия закончилась, я подошел к другому сеансу, который давал, куря одну папиросу за другой, молодой человек с характерной мимикой, стремительной походкой передвигавшийся от столика к столику. Это был Виктор Корчной.

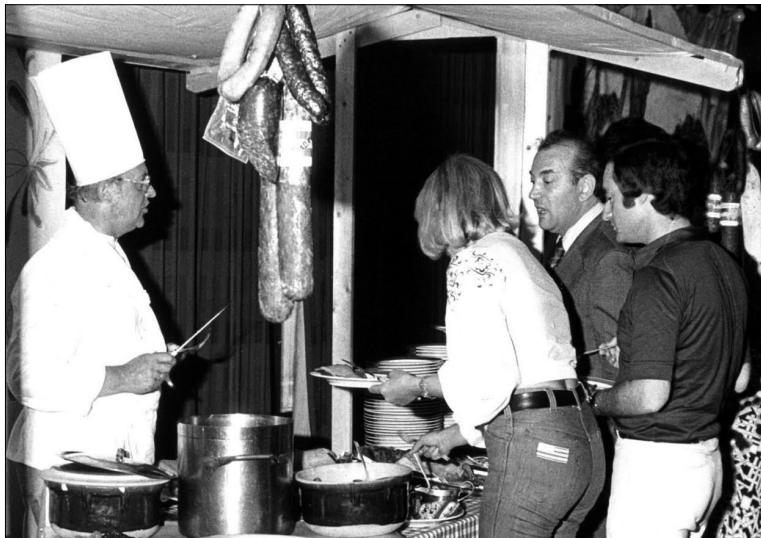
Мальчик, за спиной которого я встал, так и не решил, какой ход сделать, и попросил у сеансера разрешения пропустить очередь, пояснив: «Партий осталось мало, а вы появились так быстро...» В то же мгновение Корчной произнес короткое слово, которое довелось слышать многим, в том числе и мне, в ответ на предложенную ничью. Корчной сказал:

– НЕТ!

Ему было тогда двадцать пять, гроссмейстером он стал только что и, хотя у него успехи были не так впечатляющи, как у Спасского, с бескомпромиссным стилем игры и такой же манерой поведения Корчной тоже был любимцем города.

В следующем году я сыграл с ним уже сам. Это был сеанс на десяти досках с часами, и мне удалось добиться ничьей. Текст партии не сохранился, но течение ее помню очень хорошо. Я разыграл вариант Рубинштейна во французской защите, получил, как водится, похоже, но в конце концов удержал позицию. Полвека спустя на турнире в Эстонии (ноябрь 2008) мы сыграли вничью и нашу последнюю партию. Круг замкнулся.

Внутри этого круга было все. И ленинградский период очень близких отношений – и довольно натянутых, когда я решил эмигрировать из Советского Союза. И снова очень близких, еще до того, как он отважился резко переменить судьбу, а я уже жил на Западе (1973–1976).

Корчной с автором перед открытием IBM-турнира. Сейчас Виктор попросит меня присутствовать при его разговоре с Эйве, в котором он будет зондировать почву для ухода на Запад. Амстердам, 5 июля 1976.

Полчаса спустя. Жеребьевка амстердамского IBM-турнира – последнего, где Корчной играл под красным флагом с серпом и молотом.

Дружелюбный, ободряющий тон Макса Эйве придал Корчному уверенности и еще больше подтолкнул его к решению, принятому сразу после турнира.

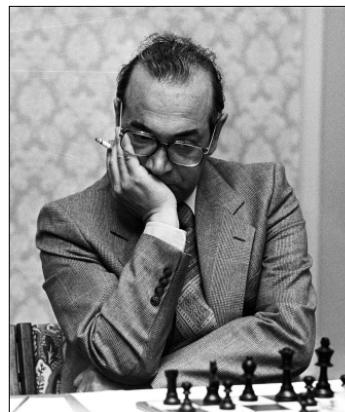
Поединок 1-го тура с Хансом Ри, который уже через полгода станет секундантом Корчного на матче претендентов с Петросяном. Амстердам, 6 июля 1976.

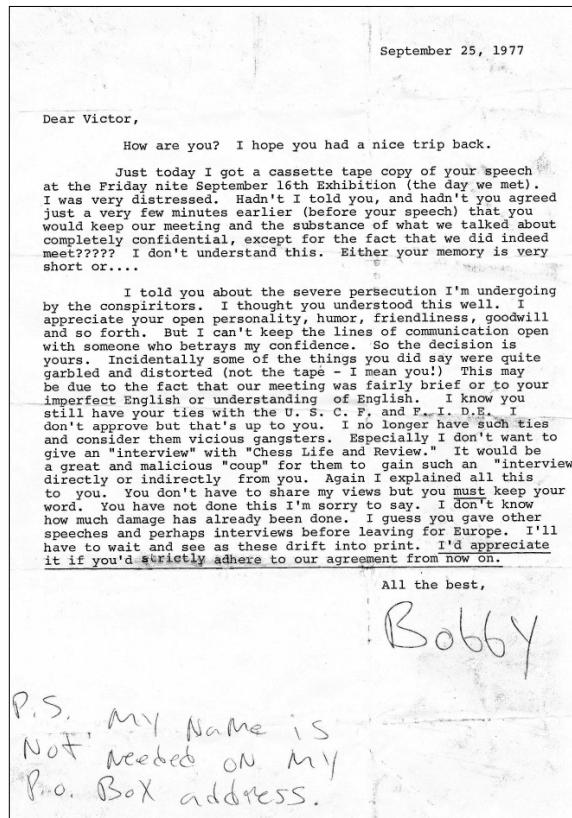
Сбор голландской команды перед Олимпиадой в Хайфе (осень 1976). Справа стоит тренер команды Виктор Кориной, в центре курит Хейн Доннер, сидят Ян Тимман (второй слева) и автор этих строк (справа).

Эту открытку от Виктора я получил весной 1977 года. Но лишь недавно дошло, что поэтический текст относился к нему самому, и только мужаться предлагалось мне.

Виктор дымил с юности. Но иногда он бросал курить во время турнира (непостижимо для курильщика!), обычно после проигранной партии. Добровольно наставая на себя вериги и подвергая наказанию плоть, он таким образом закалял дух.

Неизвестное письмо Бобби Фишера.